

«Я НАСКВОЗЬ РУССКИЙ, И МУЗЫКА МОЯ ТАКЖЕ...»

Ирина Хохлова родилась в семье военного лётчика в Чкалове, ныне Оренбурге. Окончив Оренбургское музыкальное училище по классу фортепиано, переехала к старшему брату в Донецк и поступила в консерваторию. Параллельно прослушала три года курсов журналистики при университете. Работала концертмейстером в оперном театре, была внештатным сотрудником во многих газетах, редактором многотиражки «Музыкальный вестник», была принята в члены Союза журналистов Украины. Печатала прозу и стихи в различных изданиях, в том числе в интернете. В 2014 году переехала к дочери в Пенсильванию, ныне живёт в Нью-Йорке, член литературных клубов русской диаспоры.

«Т ... ти-ти-т , ти-ти — т - т »... Фортепийный и певчий настолько прост, будто пишется пером и слышится из-под пальцев. Но именно из этой короткой темы вырос этот колоссальное произведение, словно огромный развесистый дуб, выросший из обычного жёлудя, будто Гулливер, возвышающийся над всеми концертными собраниями... Я имею в виду Третий концерт Сергея Рахманинова. Произведение, ставшее знаковым в моей жизни.

Это было в конце летней сессии, я учился в музыкальном училище как пианист. Июнь был жаркий, пекущий, будто солнце решило отдышаться в один месяц весь свой летний жар. Вернувшись после очередного экзамена с уличной жары в прохладный свой дом, я, привычно налив лимонную воду из холодильника, зашёл в комнату, машинально включив

телевизор, и... время будто замерло. С голубого экрана звучал рояль. Я остовилсь, не двигаясь, — что-то гипнотизирующее в музыке остовило меня. Рзлив мелодии, крутые пссжи, оркестр и рояль звучали в удивительно слитной гармонии, темп и музык взлетали напряжённой волной, темы, будто сплетаясь, обрушивались в рокот басов, снов поднимались на рояльных аккордах. Звуки будто вырвались из шкала: «Ти-ти — т-т! Ти-ти — т-т!» — будто кто-то стучал в дверь, прося о помощи. Крупным планом на кульминации телеоператор показало лицо пианиста. Это был рыжеволосый молодой человек немногим старше меня. Его лицо было в творческом экстазе, прикрытые глаза говорили о внутренней сосредоточенности. А музыкант стоял, не сдвигаясь, и затем рзвлялся кульминационный взрыв, после которого звучали мелкие нисходящие пссжи, как будто дёрнули еловую лапу и с неё посыпался сверкающее солнце, снег. И затем пианистissimo, в котором сновугдывется энергия рождения следующего рзлива музыки.

Я стоял, не пошевелившись, всё время до окончания произведения. Никогда не слышал этой музыки и не знал, что исполнялось. Дав то время я вообще не слышал ничего подобного! Потом пошли титры:

«Сергей Рахманинов, Третий концерт для фортепиано. Исполнял Владимир Фельдман, выпускник Московской консерватории».

Долгое время я этот концерт не слышал. Среди пяти концертов для фортепиано (пятый — «Рахманинов тему Пганини») Рахманинов в Третьем «перепрыгнул» себя. Это просто пианистическая симфония, настолько всё так гармонично и совершенно. Концерт чрезвычайно сложен, и его сыграть возьмётся не каждый. Именно тогда, в молодости, я будто был свидетелем олимпийской высоты: как восторг, так и исполнения неслучайной музыки. И сколько бы ни было потом трудностей в моём музыкальном образовании: моментов разочарований, успехов и неудач — в смысле серьёзные периоды жизни я вспоминал тот мой эмоциональный захват, те несколько минут моего выхода в вечность или, может, выход из времени. Но кульминация первой части произведения пружиной поддерживала меня, звучало мощно и вдохновляюще: «Ти-ти — т-т! Ти-ти — т-т!»...

А ведь сам Рахманинов в основном был сдержанным человеком. Очень высокий, худощавый, с отличными манерами,

немного отстранённый от окружения — так ковым он и запомнился современникам. У него был не тлетический сутуловатый фигуризм, скрывая её, он шил костюмы и платья у лучших портных, готовых к кому-нибудь из великих недостатков, и поэтому был всегда с иголкой и дорогим одет. Он был верен в дружбе, но избирателен. Рихмнинов носил в себе божий дар творца, постоянно слышал в своей голове музыку. Он звучал до тех пор, пока не вылился в испитые нотные листы. Даже умирая, он возбуждённо спрашивал родных, будто стараясь прекратить звуки, не отпускавшие его: «Кто это всё время играет? Кто?» И только потом понимал, что это звучит музыка в его голове. Рихмнинов с молодости много курил, буквально одну сигарету за другой, привычка эта была на протяжении всей жизни — возможно, это и стало причиной его онкологического заболевания.

Сергей Рихмнинов был в родственных связях с пианистом мировой известности того времени Александром Зилоти (его старший двоюродный брат). Он покровительствовал молодому Серёже во время учёбы, его неоспоримый авторитет способствовал определению его протекции в классе выдающегося педагога Московской консерватории Николая Зверева. Серёжа Рихмнинов не просто учился — он был под строгим и неусыпным контролем педагога в своих дневных

занятиях, поскольку жил с ещё некоторыми талантливыми мальчишками в доме Зверева. Кстади, вместе с ним учился и молодой Саша Скрябин. Жёсткий, но наилучший в то время школьный Зверев, как называли его ученики за спиной учителя, не учил их искусству блестящего пианиста и глубокого музыкального исполнительства. В ту пору никто не предвидел в Сергее Рихмнинове композитора, даже он сам почти серьёзно не увлекся сочинительством. Возможно, потому, что воспитывали его как будущего пианиста, опираясь на его пианистические способности. Но уже в конце обучения в консерватории Сергей почувствовал, что семя композиторского таланта прорастёт в нём, будто колокол просыпаясь — тот колокол, который постоянно призывал к творчеству, являясь нередко лейтмотивом в его произведениях. Это стало началом формирования не только композиторского гения, но и его возмужавшего характера: нестойчивого, честного, преданного музыке.

Стрелка к сочинительству в последних классах поссорил молодого Рихмнинова с его учителем-наставником, его патроном Николаем Зверевым. Бунтующий ученик покинул Учителя. Теперь он проходит с увлечением и страстью уроки композиции с известными композиторами Танеевым и Арениским. Его выпускной работой стали оперы «Алеко», основанная на пушкинской

поэме «Цыг ны». Н выпускном экз мене председ телем комиссии был пригл шён с м Пётр Ильич Ч йковский. Прослуш в выпускную р боту Сергея Р хмнинов , Ч йковский был пор жён композиторской зрелостью втор и потребов л пост вить выпускнику пять с плюсом! Потом был восст новлен дружб с Никол ем Зверевым: он попросил прощения у своего ученик , сетуя, что не поверил в его новые творческие н чин ния...

В новом, дв дц том веке, т ком сложном и тр гическом, миру готовился новый великий русский композитор, втор и пинист, поднявший фортепи нные сочинения н мировую высоту.

Р хмнинов не был человеком, к к принято сейч с н зы в ть, коммуник бельным. Н против, з мкнутый по н туре, он был верен немногим близким и друзьям, избир тельно приближённым к его жизни. Вот с ними он мог и к л мбурить, и посмеяться от души.

Будучи молодым, он жил одно время в русской семье его родственников, довольно бог тых, в их поместье в Ив новке. Т м и подружился с сёстр ми-кузин ми, дочк ми генер л Ск лон — Н т льей, Верочкой и Людмилой. Окруж ющ я природ , р здолье, общение внутри тесного, доброжел тельного и з интересов нного в нём женского

круг пробудили ром нтическое чувство у молодых людей. Те тр льные дом шние пост новки, игр н рояле, к т ние н лош дях, вечерние ч епития и игры — всё способствов ло проявлению чувств. Но обр з Верочки, светлой и ром нтичной девушки, з п л в сердце молодого Сергея глубже ост льных. О своих чувствах к нему пис л в дневник х и Верочк . А что н до молодому музык нту? Вдохновение!

Июнь, н ч ло лет , хор соловьёв и ром т повсюду р спустившейся сирени, к т ние н лодк х, прогулки н з к те... «В молч нье ночи т йной» потом н пишет свой известный ром нс Р хмнинов и посвятит Верочке Ск лон. И, если вслуш ться в слов и звуки, ст новится понятным, что это невыск з нное призн ние композитор в любви... Верочку, дочку генер л , отд дуг з муж з уже д вно подобр нную «выгодную п ртию». После этого Р хмнинов женится н своей двоюродной сестре Н т лье С тиной, влюбившейся в него, будучи ещё совсем девочкой, служившей ему в жизни не только к к жен , друг, но и к к пред нный помощник его творческого гения. Он следов л з ним повсюду, созд в л ему быт и мир, в котором ему было бы комфортно р бот ть. А в его душе жили чувств , прониз нные человеческими глубокими стр стями, и музык звуч л потом в сочинениях н сквозь русск я, р здольн я, вечн я.

Р хм нинов — удивительно русский композитор, хотя имеет молд вскую кровь (причём он потомок княжеского род). У него х р ктерный т т рский р рез г л з, и эт кровь тоже присутствует в нём, к к и корень «р хм н» в ф милии. Но и Пушкин, потомок р п , — совершенно русский поэт. И полу-немец Блок, с редкостным д ром чувствующий и перед ющий всё русское. И Лермонтов (шотл ндские корни и ф милия предков Лермонт) р зве не вл дел исконно русским литер турным языком? Дело д же не в крови. Можно иметь русские корни и быть р внодушным ко всему русскому... Примеров этому предост точно.

Р хм ниновск я музыка узн - в емо русск я. Д же тем Третьего концерт , т к я прост я, к к зн менный р спев (что пыт лись припис ть критики втору), был н пис н случ йно. «Просто т к н пис лось», — говорил Р хм нинов. Д и пис л он концерт прямо н природе: стол стоял в с ду, вокруг ром ты полевых цветов, звуки цик д, лёгкий ветерок шелестит в нотных лист х... И не было, действительно не было ник кого зн кового «толчк » — события или концепции — для н пис ния т кого совершенного произведения. Нет ник кой скрытой прогр ммы или т йного посвящения. Н пис л з лето, осенью подготовил оркестровку и уже зимой исполнял

его н г строях в Америке. Вот т к я прост я история...

Свой Второй концерт Р хм нинов н пис л после глубокой депрессии, вызв нной пров лом Первой симфонии, и посвятил его вр чу Никол ю Вл димировичу Д лю. Зн менитый доктор-психолог вернёт ему не только здоровье — он возвр тит его к творческой жизни. Второй концерт с н ч льными звук ми просып ющегося колокол н всегда вст нет в ряд лучших фортепийных концертов мировой кл сики. После безусловного успеха этого произведения Р хм нинов вновь оживёт к к композитор, вновь поверит в себя. Третий концерт — уже пример композиторской зрелости, творческого взлёт .

После революции, мудро про н лизиров в обст новку в России, р змышляя н д совет ми близких друзей, Р хм нинов уедет в Америку. Д , жизнь т м был без волнений и довольно комфортн , но только пис ть музыку ТАМ он уже не сможет. К к и пос дить и выр стить любимую сирень. ТАКАЯ сирень, к к дом , просто не прижив л съ н чужой земле.

Кст ти, о сирени. Н к ждый его концерт т м, з оке ном, кто неизвестный будет присыл ть ему букет живой белой сирени. В любое время год . Т йн я поклонниц ? Н помин ние о

юности и лете? У Р хм нинов есть з меч тельный ром нс «Сирень», в котором удивительное сочетание л конизм изложения с глубиной чувств — и почти осязаемый художественный образ. Будто ветка со звёздочными соцветиями колыхается, покачиваясь на лёгком ветерке, щедро рстая ром т. Потом втор сделал переложение этого ром нс для фортепиано, и это будет любимым бисом н его концерта.

Р хм нинов был верным супругом и прекрасным семьянином. Но сердце не живёт по семейному кодексу. И было сильное увлечение, и скрытая любовь, и душистый букет после концертов, как знак ответной любви.

А что же любовь молодости, Верочка Склон, очаровательное и искреннее пышноволосое голубоглазое чудо — как она без Р хм нинов? Оставаясь послушной дочерью, он был несчастлив в браке, забыв читая, вспоминая о молодом Серёже Р хм нинове всю недолгую жизнь беспокоили её сердце. Встретившись случайно, они, будучи уже женатыми людьми, старались не выказывать своих чувств, но грусть в глазах не спрячешь. Р хм нинов уехал из России, Верочка умерла, в общем-то, довольно молодой женщиной. Со своей женой, которую доводил с Р хм нинову кузиной, он тайно обвенчался в церкви военного госпиталя.

Н т лья С тин был влюблен в Серёжу всем сердцем, жену преднее трудно было найти. Но был ли их брак счастливым? Об этом они молчали.

Почти полжизни Р хм нинов со своей семьёй проживёт в Союзных Штатах. Гостроли по всему миру, поклонники многих стран, отдающие дань его исполнительству и музыке. И только Россия — страна, в которую рвалось сердце... Но, служив Богу, он туда не пошёл! Существует факт, что гонимый со своих концертов Р хм нинов переводил в Крестный Крест во время войны и сам просился в Россию. И только странное заболевание остало его в Америке.

Как-то я репетировал с одной американской певицей. Мы роботали над «Воклизом», ром нсом Р хм нинов. Бессловесное изложение музыки певицы исполнял криво, декорируя интонациями переливы мелодии, но поверхностно, даже не вслушиваясь в глубину, скрытую в музыке...

Д, Р хм нинов написал «Воклиз» ещё до отъезда в Америку, он посвятил его великой русской певице Антонине Неждановой. В музыкальном изложении — любовные русские природой, которую так чувствовали и обожал Р хм нинов, и чисто русская грусть... В этой музыке есть своё тайное зёрнышко. В современном исполнении

«Вок лиз», к к пр вило, присутствует ност льгическ я нот , прид ющ я н строению ром нс глубинное содерж ние. Мне хотелось р сск з ть об этом моей солистке- мерик нке, приблизить её к этой мысли. Я пыт л сь, плохо зн я нглийский, ч ще употреблять слово «но-ст льжи», но он удивлённо р скрыл гл з и, пож в плеч ми, ответил , что «Rachmaninoff is American composer!» и я н думы-в ю несуществующее. Ей вовсе не хочется дум ть и р збир ться, что Р хм нинов стр д л, отор-в шись от родной среды. Америк принимает н свою землю эмигр нтов и счит ет их потом своими....

Живя в Нью-Йорке, в Вест-С йде, кр сивом р йоне остров М нхэттен, рядом с н-бережной реки Гудзон, Р хм нинов ч сто гулял по улиц м с высокими кр сивыми дом ми. Это место близко от Бродвея, уже тогд з полненного р зном ст-ной людской толпой и движени-ем м шин (кст ти, Р хм нинов великолепно водил м шину и любил полих чить, д же имел свой втоп рк). О чём он тогд дум л? Что вспомин л? З предел ми России Р хм нинов уже не мог н пис ть ничего р вного его р нним, созд нным н родине произведениям, и когд ездил в своём в гоне с роялем по всей Америке и Европе, концерти-ров л уже только к к пи нист. Композитор в нём умер.

Бл гословлённый после окон-ч ния консерв тории Ч йковским, узревшим в нём большого музык нт , освоивший высокую школу обучения, переживший нервное потрясение, переш гнув-ший любовь, ушедший весь в музыку, по воле небес ст вший музык льным творцом, Р хм-нинов вынужден был ост вить любимую Россию. Он пис л в письм х: «Я н сквозь русский, и музык моя т кже». Но судьб увел его с Родины.

Я ч стый гость музык льных кл ссических концертов, но з метил , что Р хм нинов не н столько повторяющ яся ф-милія в прогр мм х пи нистов. Нез служенно м ло не только потому, что его музык пи нистически сложн я, глубок я по содерж нию, не только потому, что, в конце концов, он слыл эмигр нтом, — этого никто не вменяет ему в вину, хорошо, что «сп сся»... Не стоит Р хм нинов в музыке и высокомерным особ-няком. Т ких глыб дост точно в мировой музык льной литер-туре. В конце концов, музык Р хм нинов исторически ещё молод , и в ней есть содерж-тельность, философичность, кр-сот , котор я может р скрыв ть любой эт п жизни, соответство-в ть ему. Почему же его игр-ют не столь ч сто, хотя к ждый пи нист, обуч ясь, обяз тельно игр ет его произведения?

Д, есть термин «зигнатура», но это никак не подходит к Рихарду Вагнеру. Возможно, не все произведения доступны по сложности его композиции, та же энергия внутри произведений, которую не всякий берётся. Это если Вагнер уже попал в чьё-то сердце, то остаётся там на века. Он и сам писал в письмах: «Музыка должна исходить от сердца и идти к сердцу». Не больше и не меньше.

Моим первым знакомством с творчеством Вагнера было его «Полишинель». Играл эту оперную пьесу, я исполнял точно текст, ещё до конца не понимая сути музыки, хотя свободно разливаясь в середине пьесы понёс меня по своему течению, захватывая в поток. Потом будут рождались его прелюдии, музыкальные моменты, этюды-картины, Первый, Четвёртый концерты и потом почти все его романсы. Всё глубже и понятнее становится проникновение в смысл музыки, в творчество Вагнера, ставшего со временем самым моим любимым композитором. Слушать музыку и исполнять — большая радость. Это как смотреть на портрет известного человека или иметь с ним непосредственное общение — восприятие полное. И ни в каких других произведениях так не сливаюсь сердцем с музыкой, как с Вагнеровской.

Но Третий концерт остаётся в душе непокорённым Эверестом. Даже музыканты испытывают страх высоты. Творческой высоты...

2008 год был объявлен ЮНЕСКО Рихардовским. Я жил тогда в Москве, где обилие престижных российских музыкальных сцен и зрелый вечер, испытал соблазнам, призывают поклонников музыки. И тут фишка в пестрели программ фортепьянных произведений и симфонической музыки Вагнера, среди фортепьянных концертов почему-то чаще Третий. Третий. И опять Третий... Я старался не пропустить ни одного. Писали будто сговорились, скорее, каждый считал себя достойным исполнителем: школьники неизменно рвутся повсюду. И, как окзалось, стало достоянием гитлеровцев, вставших вровень с самим Вагнером-пианистом. Целый год я не слезал с моим любимым концертом, не пропускал ни одного. Московская консерватория и зал Чайковского стали уже родными, но после каждого прослушивания зрелище исполненного концерта мне всё же чего-то недоставало. Снов и снов передо мной возникало то обожжённое пламя впечатления от первого прослушивания ещё по телевизору этой музыки и от лица пианиста, прикрывшего в творческом экстазе, с постоянно меняющейся мимикой,

подчинённой игре. «Ти-ти — т — т ! Ти-ти — т — т !» — з хлёбыв — ются звуки, и что-то подступ ет к горлу и щекочет его. То впечатление ост лось в п мяти, к к перв я любовь.

Одн жды, после очередного посещения БЗК, уже выходя с концерт , вижу фишу в круглом холле консерв тории: «Третий концерт Р хм нинов . Исполнитель — Вл димир Фельцм н». У меня перехв тило дых ние, к к у человек , который случ йно, спустя много лет, встретил в толпе объект своей первой любви...

Есть теория притяжения: если чего-то очень жел ешь, ждёшь — больш я вероятность, что это исполнится.

Н слуш ться в тот год моим любимым концертом — это было ответом н моё д внее нен сытное жел ние. Но чтобы исполни л сь мечт и приех л из Америки Вл димир Фельцм н, уже известный пи нист, музык нт, который н г стролях скорее в Питер приедет (к другу Гергиеву), но Москву сильно не ж лует, было почти чудом! Этот предстоящий концерт я р ссм трив л явно к к под рок свыше...

...И вот я сижу в кресле в п ртере, обтянутом бордовым б рх том, вся в нетерпении свид ния. Собир ется постепенно публик , з полняется б лкон. Ост ётся несколько минут... Людей в з ле не т к много, к к обычно. Я ревниво посм трив ю

н свободные мест в п ртере. Б лкон з полнен — хорошо... Н пражённо жду выход ртист . И вот музык нты р зместились в оркестре. Многоголосье н стр ив емых инструментов з — кончилось. Тишин ...

Объявляют произведение и исполнителей. Я з мир ю и вся под юсь вперёд. К кой он? Ведь я видел только его лицо, и то в коротком эпизоде н экр не. И вот выходит он — подтянутый, коротк я стрижек , в чёрной руб шке (мод музык нтов «оттуда»). Он ведёт себя очень р сков нно. Сев з рояль, оглядел з л, зн комясь одним взглядом с публикой. Х р ктерный жест пи нист перед н ч лом — лёгкое потир ние руки об руку, взгляд н дирижёр и почти ср зу — тем , привольно и неприхотливо н ч вш я музыку этого Концерт ... И потекл жизнь, и к ртины природы возник ют ожившими и объёмными, и человеческие чувств , изложенные в звук х, трог ют сердце, и переплетение музык льных тем в кр ск х рояля и оркестр , будто многоводн я рек , р злив ется, з хв тыв я н с в свой поток.

Н ш повседневность н пряг ет слух в основном неживыми, ч сто мех ническими, нездоровыми и н зойливыми звук ми, н которые мы р сходуем свою живую энергию, р стр чив я её, он — н с. Но есть звуки, которые леч т н ши уши и возвыш ют н ши чувств . Иногд возник ет ощущение опустошён-

ности, будто что-то вычерпано из тебя, нет сил... Но могу свидетельствовать: потом пустота наполняется чем-то дорогим и существенным, обновляющим и поднимающим тебя над повседневным «живым». Среди техковых — рихминский музыкант. Он приносит наслаждение, помогает размышлять, сопереживать, восторгаться, задумываясь о вещах глубоких и важных, помогает быть хорошим оценщиком прекрасного, разбираться в кроссе.

Вот-вот — это место, которое тогда поразило меня! Тем будто поднимаются с нами и поднимают меня. «Ти-ти — т-т! Ти-ти — т-т!» Что-то волшебное катится по щеке, оно мешает мне смотреть на пианиста. Слезы? Никогда без собой этого не замечал. И я снова вся сливлюсь с музыкой и плыву, верчусь в водовороте, борюсь с течением и качусь на волнах. И чувствую простор небес вокруг, запах полевых трав...

После концерта я стою в очереди поклонников. Я хочу увидеть пианиста близко и выскочить к нему своё сокровенное... Фельцман очень приятен, ровная улыбка, короткий седой ёжик, в руках держит трубку. Он успел переодеться. Вместо рубашки — тёмная водолазка, джинсы, подчёркивающие его прекрасную физическую форму. Великолепно держится, открыто и просто. Передо мной его спешивают о чём-то, и он изглядывает в ригистическую.

— Пп, — почему-то с французским ударением и последнем слоге, — ты не помнишь телефон? — обращается он к стрижке в чёрном брючном пиджаке, отдыхающему в кресле. Оскар Фельцман, известный композитор-песенник советских времён, что-то отвечает, не торопясь, своему знаменитому сыну. И вот моя очередь.

Пианист рукопожатием не отвечает (не доверяет свои уникальные руки?), улыбаясь, принимает комплименты. «Простите, я помню вас ещё молодым...» — и Фельцман, приосившись, с улыбкой парирует: «Я и сейчас молодой». «Согласно, мы примерно ровесники, и я о себе могу сказать то же самое... — поддерживая его бодрый тон. — Но я слышал в связи с этим концертом лишь однажды, и то по телевизору. Это было уже давно, увы...» Что-то мелькнуло в его глазах, будто он быстро перелистал карточки, отыскивая нужное. «Ах да, помню». «Я хочу сказать, что для меня это было неизгладимое впечатление, это был мой творческий домкрат». Фельцман улыбается глазами. «Я всё время мечтал услышать вас снова. И может, это я в «притянул» в Москву? Спасибо за исполнение!» Улыбаясь, я заканчиваю, уступая пианисту тому, кто знаменитой. Он привычным жестом подписывает мою программку, и я выхожу из переполненной ригистической...

Возвращаясь после концерта, медленно проходя за комьюлицы до станции метро, я вспоминаю многое из моей жизни. Как менялось отношение к музыке — от простого любопытства к первым успехам, прозвучавшим и трудностям. Как с тех пор, кратно приходящим ко многим музыкантам, — как будто я листую ноты, ещё не прозвучавшие, читаю поверхностно текст и ужасюсь: мне играть через неделю экзотический, а даже не выучивший и изустный! Просыпаясь с колотавшимся сердцем, успокаиваясь, что это только сон.

Вспоминую, как только через много часов непрерывных занятий чувствуешь, что на конец-то пальцы «расслабились» и слушаются как в игре, подчинённые всем твоим желаниям... О том, что труд исполнителя суров, — прозвучавшее и произведением долгое время, потом оно в концерте звучит лишь несколько минут... И ничего, ничего уже нельзя исправить («подрисовать»). Вспоминую известный эпизод, произошедший тем же Рубининым о его друге Шляпине: «Все режут от восторга после концерта, поздравляют его, Федя стоит в кулисах и бьёт себя по голове, отчаянно приговаривая: — Кудам! Кульминация сползла!»

Это могут понять только музыканты. И я продолжаю раздумывать: чем является для меня музыка в моей жизни?

Вспоминую мои занятия до

позднее в рояльном классе. Проходит и каждая фраза, подобно художнику; если для того в женском «ещё момент», для музыканта — ещё проигрыш: вот так, или так лучше? И весь он в напряжении слуха, слитый с инструментом какой-то магнитной силой, будто протворённый в рояле, когда не замечаешь времени...

На госэкзамене я в одном месте потерял текст во время игры. Какой-то провалился. И молнией (молнией!) пронзил мысль: «Ляпсус, срыв... Второго шанса не дётся!» Я схватил себя за голову (отказаться? встать и перенести на следующий год?) — и вдруг руки опускаются на клавиатуру, и ходят дальше провалившиеся ноты и... так до самого финала Четвёртого концерта Рубининов... Уже потом мне говорили, что комиссия пропустил этот эпизод (две-три секунды, которые мне прозвучали просто дырой вечности в исполнении). Отметили больше мою музыкальность, это «выпадение» в исполнении списали, как сопутствующий нервный срыв. Друзья потом успокаивали, что даже Антон Рубинштейн часто «мзл» в своих концертах, но его поклонники совсем не замечали этого, отмечая только его пианистический гений.

В своём профессиональном музыкальном пути я не стал известным пианистом, музыкантом. Но я благодарен судьбе, что свой жизненный путь связал с музыкой. Не прозвучавший и

путствие м мы: «Хорошо бы тебе ст ть музык нтом. Почему? Ну не медсестрой же ты мечт ешь быть? Музык нтом лучше: си-дишь себе у инструмент , ученик игр ет». Зн л бы м мочк , к ких трудов стоит н учить этого ученик не просто игре п льчик ми, музыке! Может, легче уколы дел ть.

Когд -то, в молодости, я неплохо игр л . Но большее сч -стье мне дост вяет в моей профессии умение оценить музыку, р збир ться в исполнителях, сч стье р створяться в звук х, д же если игр ешь не ты. К к-то меня спросил дочь: «Можешь н зв ть свои сч стливые моменты?» И я, подобно Фельцм -ну, прокручив я плёнку жизни, вдруг вспомин ю один вечер, когд допоздн сидел и игр л к к р з музыку Р хм нинов . Я вдруг почувствов л , что сыгр л т к, что с м втор улыбнулся бы мне, удовлетворённый. Т кие минуты ср внимы с любовью, когд улет ешь и не з меч ешь времени, мест , просто т ешь в простр нстве. И летишь в неведомое, куд пуск ют нен долго. И не всех.

И вот передо мной ноты Третьего концерт Р хм нинов , под ренные моим консерв торским профессором. Мне не было доверено игр ть его в консерв тории,

но он зн ет о моей нез тух ющей стр сти и, уже ст реющ я и неигр ющ я, вруч ет их мне. Я держу их почти к к святыню, обложк из совсем пожелтевшей от времени г зеты... «Не получилось сыгр ть его в своё время? Что ж, можешь поигр ть отдельные эпизоды, прослуш ть с нот ми, ты же зн ешь, это ещё больше р скрыв ет музыку», — пед гог зн ет процесс изнутри.

В который р з я снов прослушив ю концерт, уже приобрета в Нью-Йорке диск в исполнении моего любимого Вл димир Фельцм н (у н с нет!), теперь уже глядя в текст, и п лыцы повторяют в немом звуч нии п сс жи, к денции. И я будто проник ю внутрь музыки, буд-то н хожусь при её рождении. Потому что к ждое исполнение — это и есть рождение и жизнь з дум нного композитором.

Д , музык к призн . Он р звор чив ется и свор чив ется во Времени. Он требует труд , свободы и точности одновременно. Требует р зборчивости вкусов, пред нности и претендует н Вечность... И только он может подним ть н свои космические высоты своих второв и исполнителей. И д же слуш телей, живых поклонников музыки. И этот полёт дел ет н с сч стливыми.

«Ти-ти — т -т ! Ти-ти — т -т !»